

Пасеева Александра Ивановна,
магистрант ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина», г. Тамбов
apaseeva@list.ru

Образ Змея в творчестве А. К. Толстого и А. Н. Толстого

Аннотация. Статья посвящена анализу фольклорных мотивов в сказке А. К. Толстого «Змей Тугарин» и поэме А. Н. Толстого «Странник и Змей». Оба произведения созданы на основе славянских преданий и былин и имеют ряд характерных признаков. Основным мотивом произведений является мотив змеборства.

Ключевые слова: русская литература, А. К. Толстой, А. Н. Толстой, фольклорные мотивы, змеборство.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Дохристианские, архаические легенды, древнейшие верования достаточно часто находили отражение в художественном творчестве. В литературных произведениях часто возрождались полузабытые мифы, фольклорные сюжеты приобретали новый смысл, фантастические существа изображались с неожиданной стороны. Во второй половине XIX века в русской литературе обозначился отчетливый интерес к фольклору, прошлому страны, национальным образам и мотивам. Эта тенденция еще отчетливее проявилась в эпоху Серебряного века. В связи с этим возможно рассмотреть творчество А. К. Толстого и А. Н. Толстого, которые избрали схожие пути постижения прошлого, обратившись к древнейшему мотиву змеборства.

Змеиный символ один из самых распространенных в культурном пространстве. Змея издревле почитали и ненавидели, преклонялись перед его могуществом и пытались убить, извести. Встречается образ змея как в язычестве, так и в христианстве. Нередко в народном сознании эти образы не разделялись. Змей практически всегда отождествлялся с бедой, опасностью, был предвестником зла, символом дьявола. Именно на этой почве и возникает мотив змеборства, который нашел отражение как в русских народных сказках, былинах, так и в иконографии «Чудо Георгия о Змие».

Образ Змея присутствует в творчестве А. К. Толстого, который в качестве основы для своего произведения «Змей Тугарин» (1867) использует русскую былинку об Алеше Поповиче и Тугарине Змее. Существует множество редакций былин, но остановимся подробнее на одной: Алеша с парубком Екимом едут в Киев. На пиру у князя Владимира присутствует Тугарин, который ведет себя неуважительно, объедаясь и позволяя себе вольное поведение с княгиней. Алеша не терпит такого отношения и вызывает Змея на бой. С помощью смекалки богатырь убивает врага [1]. Так же как и в оригинале, в поэме А. К. Толстого присутствует князь Владимир, Алеша Попович и главный злодей – Тугарин Змей. Место действия традиционное – у водной преграды (Днепр) и на пиру.

В начале поэмы присутствует описание главного врага Руси – Змея Тугарина. Его облик в произведении схож с описанием, представленным в былинах, только своей безобразной внешностью:

Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами вперед,
И ахнул от ужаса русский народ:
«Ой рожа, ой страшная рожа!» [2]

Толстой отходит от былинного гиперболизированного описания, принятого одновременно для устрашения и насмешки над врагом.

Примечательно, что в поэме Толстого диалог со Змеем ведет непосредственно сам князь Владимир, тогда как в былинах ему отведена второстепенная роль. Здесь присутствует балладный мотив взаимодействия между Властителем и Певцом, далекий от былин.

Оригинальное художественное решение «Змея Тугарина» состоит в том, что фигура пророчествующего Волхва/Певца/Поэта совмещена с фигурой антагониста Татарина/Змея/Идолища, заклятого врага Руси. Пророчество звучит тем более враждебно-оскорбительно и тем менее правдоподобно.

Естественной мотивировкой необычного совмещения в одном персонаже функций Предсказателя и Врага (Змея) является опора произведения на частый в былинах мотив злопыхательских, но не сбывающихся предсказаний-угроз, исходящих от вражеской фигуры. Но в «Змее Тугарине», в отличие от подобных речей в былинах, негативное пророчество носит не вспомогательный характер, а поставлено в самый центр композиции и касается судьбы не каких-то отдельных персонажей или даже всего Киева, но всей последующей истории России.

Функция Врага-Змея в данном произведении отнюдь не типична и совсем не былинна. Он не пытается никого убить или похитить княжескую дочь. Враг предсказывает падение Руси, ее духовное обнищание и отатаривание:

Но тот продолжает, ослабивши пасть:
«Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!» [3]

У князя Владимира страшные речи вызывают лишь смех, вслед за ним смеются и все присутствующие на пиру.

Примечательно, что на зловецкие пророческие речи Татарина/Змея отвечает не какой-то один богатырь одного былинного сюжета (в данном контексте это должен быть Алеша Попович), а целых четверо положительных персонажей – князь Владимир и три канонических богатыря: Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич. Для былин это ситуация довольно необычна. Все три богатыря и Владимир редко действуют сообща, иногда конфликтуют друг с другом, а у Толстого выступают единым фронтом. Такая перебранка одного со многими совершенно не типична для русского былинного эпоса.

Кроме того, Добрыня упоминает о том, что у Тугарина бумажные крылья, а не настоящие. То же самое видим и в былинке: Тугарин Змей, все чаще изображаемый человеком с бумажными крыльями, утрачивает свой непосредственно змеиный облик, уступая место вполне реальному злодею, а не мифологическому.

Но у Толстого неожиданно Татарин оказывается оборотнем – из человека он перекидывается в Змея и бросается в Днепр:

...Во Змея певец перекинулся вдруг
И с шипом бросается в воду [4].

Возможно, превращение Предсказателя/Врага отражает символику змеиного образа. Издревле Змея считали хитрым и расчетливым, в том числе ему приписывали способность видеть будущее.

Способ, с помощью которого автор произведения демонстрирует верность пророчества, весьма оригинален. В отличие от других произведений, к примеру «Песни о Вещем Олеге», в «Змее Тугарине» предсказание не сбывается в пределах текста.

У А. К. Толстого Враг предсказывает русскому народу полное «отатаривание» и отчуждение от своих духовных и культурных ценностей, но в сюжете поэмы оно не наступает. Лишь читатель в силу его знакомства с историей России знает, что данное пророчество стало былью.

Владимир и его приближенные смеются над «нелепыми» предсказаниями Тугарина, читатель же понимает, что в дальнейшем – за пределами хронотопа былины – они сбылись. Более того, Толстой с присущей ему иронией вложил в уста этой страшной рожи свои любимые мысли о российском деспотизме.

Концовка поэмы типична для былины – воспевание русского народа, его духовных ценностей. Исключение составляет лишь один момент: Змей остается в живых, осмеянный и униженный, он отправляется восвояси. Былинная композиция обязательно предусматривает смерть недруга. Даже если богатырь верит в мольбы Змея, все равно былина заканчивается чаще всего отрубанием змеиной головы. Но здесь в этом нет необходимости – князь и богатыри настолько сильно убеждены в абсурдности пророчества, что решают пощадить Врага.

Материал традиционной русской былины (борьба былинного богатыря со зловещим врагом – Змеем) превращен в балладу о встрече Властителя с Певцом/Предсказателем, а их диалог поставлен на службу инвариантной теме Толстого: идеализации киевской Руси в противовес последующему, по-азиатски жесткому самодержавному правлению.

А. Н. Толстой обращается к мотиву змееборства в сказке «Странник и змей». Произведение было написано в 1910 году и входит в цикл «Русалочьи сказки». В основе сюжета – типичный поединок добра и зла, только отнюдь не в русле волшебной сказки. Писатель, как и его предшественник, достаточно вольно обращается со сказочным сюжетом, используя лишь отдельные фольклорные элементы.

В произведении А. Н. Толстого причудливым образом переплетаются языческие мифы и христианские верования. Главные герои – Странник, божий человек и вдова Акулина. Сюжет классический: вдова угощает странника, расспрашивает его о том, что же такое счастье, а потом делится своим горем.

Странники давно и прочно связаны с русским фольклором. В основном традиция странничества на Руси ассоциируется с образом богомольца и религиозного подвижника. Странник – это некто Другой, он стоит вне времени и пространства, часто его не волнует судьба брэнного мира. Чтобы обрести Бога в душе, необходимо пройти длинный путь, связанный с многочисленными лишениями и испытаниями. В народном сознании странничество – это инобытное видение мира, поэтому их часто делают сказочными героями, которые возникают в самый неожиданный момент и всеми силами пытаются помочь [5].

А. Н. Толстой рисует образ странника в соответствии с традиционными представлениями о нем. Неприглядная одежда, сильно обветшавшая от времени, и лыковая котомка за плечами – все имущество. Странник никогда не привязан к какому-либо месту, он всегда в путешествии, у него минимум вещей, поэтому котомка выступает своеобразным символом странничества.

В данном произведении путник является своеобразным «добром», противостоящим «злу». Образ странника у Толстого явно апеллирует к образу Николая Угодника из русских сказок и духовных стихов, где святой, как правило, выступает именно в образе милостивого старичка-странника, испокон веков ходящего по русской земле: «Ни молод странник, ни стар, а взглянешь на него – под усами умильная улыбка, глаза серые, ласковые, смешливые» [6].

Святой Николай Угодник, как известно, является одним из самых любимых народом христианских святых. Неудивительно, что чаще всего именно его образ используется в фольклоре. Святой старец фигурирует в самых разных жанрах – начиная от пословиц и заканчивая художественными произведениями. Примечательно, что образ Николая Чудотворца установился не как образ одного из многих святых, но как тип святого как представителя человеческой святости, что делает его ближе к обычным людям, с их печальями и радостями.

Автор неслучайно выбирает на роль помощника святого человека именно в образе странника. В соответствии со сказочной традицией помощник появляется в нужное время в нужном месте, а именно во дворе дома бедной вдовы.

Путник тут же распознает, что Акулина связана со злом, которое предстает в облике крылатого змея: «...Сушит змей белое мое тело, сосет сердце, ночи до утра глаз не смыкаю, а в полночь свистнет над крышей, рассыплется искрами и встанет во дворе – не зверь, не человек...» [7]

В основу сказки А. Н. Толстого положен популярный миф об Огненном Змее. Это воплощение силы, коварства, злой дух, демон, способный явиться девице в облике либо незнакомого статного мужчины, либо ее мужа, умершего или живого. В воздухе Змей оставляет за собой огненную дугу, а выбрав жертву, ныряет в печную трубу, рассыпая ворох искр. В доме он принимает человеческий облик. Главная функция этого духа – соблазнение молодых красивых девушек. Устоять перед Змеем невозможно, и тогда девице жизнь без него не мила: начинает скучать и «сохнуть». Часто Змей навевается к молодым вдовам, которые слишком сильно тоскуют по умершим мужьям. Для девушки, которую выбрал Змей, больше не существовало обычной жизни, и в большинстве случаев Огненный Змей либо забирал ее душу, либо саму девушку [8].

Сюжет этот, взявший начало в славянских поверьях, позднее появляется в древнерусском житии «Повесть и Петре и Февронии Муромских», кроме того, неоднократно возникает он и в литературе Серебряного века, в прозе И. А. Бунина, В. Я. Брюсова.

В рассматриваемом произведении сюжет скорее соотносится с библейской тематикой. Зло предстает перед нами не в сказочном, страшном облике, заведомо «победимом», а в образе библейском, что порождает совсем иные мысли – о неизбежном присутствии зла в нашем хрупком мире, о его непобедимой силе, о слабости и уязвимости перед ним человека. Кроме того, как мы помним, образ странника отчетливо соотносится с образом Николая Угодника.

Акулину разрывают противоречивые чувства: днем, в присутствии людей, она осознает влияние недруга, но с приближением ночи сознание затуманивается.

Вдова и странник идут на посиделки, Акулина верит, что он ей поможет справиться с терзающим злом. Но, когда героиня чувствует приближение змея, она полностью меняется: «Сдвину брови, белая кипень, стоит посреди избы, под сарафаном грудь ходуном ходит.

– Акулина, Акулина, обойдись, – говорит странник. А у нее глаза уж как озеро. Дрожит дрожью» [9].

Дрожь, бледность, расширенные зрачки – всё говорит о том, что уже находится вдова под властью недруга, она просто не может себя сдержать и бросается навстречу искустителю. Она ждет его, призывая: «Лети, лети» [10].

Образ змея, как уже было замечено, совсем не соотносится со сказочной традицией изображения чудовищ: «И со свистом, как от тысячи птиц, закружился над двором черный змей, раскинул крылья, опустился на снег. Встал на лапы, лебединую голову протянул к Акулине и языком облизнул ей белое лицо» [11].

В первую очередь мы замечаем, что змей черного цвета, а не золотого, как должно быть по легенде. Издревле черный цвет считался цветом злых сил, печальных событий и могущественного зла, тьмы, с которой практически невозможно бороться. Змей опускается на снег, хотя изначально нигде не было упомянуто, что время года – зима. Черный змей встает на лапы на белом снегу, символизируя собой победу черного над белым, зла над добром, тьмы над светом.

Описывая змея, автор употребляет эпитет «лебединая голова», возможно, соотнося черного змея с черным лебедем, антиподом белого лебедя. Белый лебедь – символ целомудрия, возрождения, чистоты и благородства. В мифологии черный лебедь является носителем абсолютно противоположных качеств, то есть злом. Далее мы вновь встречаем белый цвет, это мертвенно-бледное лицо Акулины, которое облизывает недруг, знаменуя победу над женщиной.

На помощь проходит странник, и тут уже не возникает сомнений, что перед нами произведение в русле христианской традиции. Путник ударяет змея лестовкой – это разновидность чёток в дораскольной Руси, которые чаще всего используются у старообрядцев, только, в отличие от чёток, лестовка внешне напоминает гибкую лестницу и символизирует в древнерусской традиции лестницу духовного восхождения с земли на Небо. Только с помощью Божьей силы способен странник одолеть змея. Зло обращается в просо, а добро – в петуха: «Взметнулся змей и рассыпался просом, а странник петухом обернулся – зерна клевать» [12].

О символике петуха пишет А. Н. Афанасьев: «Петух – птица, приветствующая восход солнца; своим пением он как бы привязывает это животворящее светило, прогоняет нечистую силу мрака и пробуждает к жизни усыпленную природу» [13].

В народных верованиях славян петух являлся вещей птицей и наделялся способностью противостоять нечистой силе. Особой силой обладал петушиный крик. Ночью после первого крика петуха у русских принято было креститься в благодарность за спокойно проведенную ночь.

Обращение странника в петуха – элемент сказочный, превращение помощника или главного героя в птицу используется повсеместно. А вот дальнейшее развитие событий совсем неожиданно. Акулина, прельщенная змеем, совсем не желает спасения и, более того, едва не убивает своего спасителя. Она падает на петуха, предлагает рубить ему голову и называет оборотнем. Можно предположить, что вдова находилась под такой сильной властью нечистого, что не могла ему противостоять даже с Божьей помощью.

Финал вновь метафорический, совершенно сказочный: «Пропали стены. Вместо девушек – березы в инее, парни – ели, а Акулина – ива плакучая, вся в сосульках» [14]. Все, наблюдавшие борьбу, обращены в деревья. Акулина – в иву, которая является символом скорби и печали. Можно предположить, что сосульки на ее ветвях – застывшие слезы.

Странник же, сидя в лесу, размышляет о силе зла и предстоящей ему долгой борьбе со змеем: «– Лети, перышко, где сядешь, туда и я скоро приду; много еще мне исходить осталось, увертлив змей, не пришло его время» [15].

Размышления старца философичны, ведь борьба зла и добра – это бесконечный конфликт, который продолжается многие века. Зло может предстать в любом виде, но облик змея или дракона является излюбленным изображением злого духа.

В сказке А. Н. Толстого причудливо переплетаются сказочные, языческие и христианские традиции повествования. Зло предстает в совершенно необычном облике: змей силен и могуч, он не соответствует традиции изображения сказочного, страш-

ного врага, победа над которым очевидна. Образ змея введен для того, чтобы показать, насколько беспощадным и непобедимым может быть зло и как мал и ничтожен человек на фоне борьбы света и тьмы.

Итак, подводя итог, можно говорить о том, что оба писателя используют фольклорные мотивы для создания произведений. В «Змее Тугарине» и «Страннике и Змее» несмотря на то, что они принадлежат разным жанрам, используется архаичный мотив змееборства, победы «добра» над «злом».

Сказка А. Н. Толстого «Странник и Змей» построена в русле традиционного сказочного повествования: преобладает разговорная речь, присутствуют словесные формы, характерные для сказочного изображения, есть борьба светлых и темных сил, происходят чудесные превращения.

Что касается поэмы А. К. Толстого «Змей Тугарин», то можно утверждать, что это своего рода литературная былина. Произведение имеет ряд характерных былинных деталей: присутствуют князь Владимир и русские канонические богатыри, а также Враг, имеющий отвратительный облик. Кроме того, супостат позже выступает в обличье Змея – традиционного врага русского героя.

Стоит отметить, что текст произведения насыщен мотивами застольного общения, тостов, пения и символического звона колоколов и кованых чар, опознания Татарины по негодным речам, фольклорного припева («Ой ладо...») и прочим.

Но по своему содержанию оба произведения далеки от традиционной фольклорной развязки: и в поэме А. К. Толстого, и в сказке А. Н. Толстого зло в образе Змея все-таки остается безнаказанным.

Ссылки на источники

1. Былины М. С. Крюковой / записали и коммент. Э. Бородин и Р. Липец; ред. и предисл. акад. Ю. Соколова. – М.: Гос. лит. музей, 1939. – С. 138.
2. Толстой А. К. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 234–236.
3. Там же.
4. Там же.
5. Трофимова Е. А. Образ странника в русской культуре Серебряного века // Регионология. – 2014. – № 4. – С. 233–245.
6. Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 54–56.
7. Там же.
8. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. – М.: Астрель, 2000. – С. 287.
9. Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. – С. 54–56.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 1. – М.: Современный писатель, 1995. – С. 254.
14. Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. – С. 54–56.
15. Там же.

Aleksandra Paseeva,

Graduate Student, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov

apaseeva@list.ru

Zmey character in literary works by A. K. Tolstoy and A. N. Tolstoy

Abstract. The article is devoted to analyses of folklore motives in a fairy tale by A. K. Tolstoy “Zmey Tugarin” and in a poem “A Wanderer and Zmey” by A. N. Tolstoy. Both works are based on Slavic myths and epics and have a number of definite features. The main motive of the works is the motive of Zmey fighting.

Key words: Russian literature, A. K. Tolstoy, A. N. Tolstoy, folklore motives, Zmey fighting.

References

1. (1939). *Byliny M. S. Kryukovoj, zapisali i komment.* Eh. Borodina i R. Lipec; red. i predisl. akad. Yu. Sokolova, Gos. lit. muzej, Moscow, p. 138 (in Russian).
2. Tolstoj, A. K. (1981). *Sochineniya: v 2 t. T. 1*, Hudozh. lit., Moscow, pp. 234–236 (in Russian).
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Trofimova, E. A. (2014). “Obraz strannika v russkoj kul'ture Serebryanogo veka”, *Regionologiya*, № 4, pp. 233–245 (in Russian).
6. Tolstoj, A. N. (1985). *Sobr. soch.: v 10 t. T. 8*, Hudozh. lit., Moscow, pp. 54–56 (in Russian).
7. Ibid.
8. Levkievskaya, E. E. (2000). *Mify russkogo naroda*, Astrel', Moscow, p. 287 (in Russian).
9. Tolstoj, A. N. (1985). Op. cit.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Afanas'ev, A. N. (1995). *Poehticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennyh narodov: v 3 t. T. 1*, Sovremennyy pisatel', Moscow, p. 254 (in Russian).
14. Tolstoj, A. N. (1985). Op. cit.
15. Ibid.

Рекомендовано к публикации:

Утёмовым В. В., кандидатом педагогических наук;
 Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	27.03.18	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	15.04.18
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	15.04.18	Опубликована <i>Published</i>	29.06.18

www.e-koncept.ru

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2018

© Пасеева А. И., 2018